

Ирина Беньковская

Хороводы

* * *

Погляди напоследок на книжные эти полки,
на штрихи на картонке, закладки, тайные метки;
по глухим переулкам летят упругие волки,
дребезжат осколки, распахиваются клетки.

Все, что раньше грело, больше не пригодится.
Не блажи – ему не впервой ошибаться дверью.
Вот толпа у ворот. «Гряди, – кричат, – голубица!»
И она грядет, и летят кровавые перья.

Пожелай мне смерти, дружок, пожелай мгновенной.
Что в кармане бренчит монетою неразменной?
Ключ от райских врат, уздечка, полтина, медный
обол. Все слышней торжествующий вой победный.

* * *

Наливается пламенем алый шар
и плывет, качаясь, над головой:
это плавится звонкий тифозный жар
давней выдержки вековой.

На весу подрагивает блесна,
застит взгляд горячечная слюда,
и приходит яростная весна
в разоренные города.

Впрочем, эта весна ненадолго: не
оборачивайся, не путай шаг,
там на площади полночь и дом в огне,
и колыхнется тусклый флаг;

там раскачивается бетонный мост,
там раскручивается змеиный хвост,
и растерянный город, слепой от слез,
поднимается во весь рост.

И из черепа этого октября
выползает кольчатая змея,
говорит: «это смерть, это смерть твоя»;
это жизнь, это жизнь моя.

* * *

Хороводы без конца,
каждый третий – без лица,
в небесах упругий свиток
разворачивается.

Тает хрупкая стена,
зазвенели стремена,
нотной грамоты китайской
реют птичьи письма.

Кто писал слова огнем
в доме сумрачном моем?
Видишь, бархатные твари
устремилась в водоем.

А другие из воды
вверх глядят, разинув рты;
распускаются на склонах
небывалые цветы:

в нежных рыльцах копят яд,
в душу пристально глядят,
голосами человеческими
о чем-то говорят.

Крыльев низкое круженье;
тихо хрустнула печать:
он пришел без приглашенья
вашу детку покачать.

* * *

Дело к ночи. Сбегают улицы
в темноту под уклон к воде
(раз волнуется, два волнуется –
дожидается; быть беде).

Вновь зима, и подходим молча мы
к остывающему костру.
Видишь, стяги с крюками волчьими
развешаются на ветру?

Слышишь, песня в ночи доносится,
нам знакомая с давних пор;
из котельных на волю просится,
рвется тонкоголосый хор.

Тянет дымом из переулочков,
начинается торжество.
– Для чего тебе эта дудочка?
– Ты сама догадайся, дурочка;
кто ж признается, для чего?

